

DOI: 10.15643/libartrus-2019.4.1

О теории человеческого действия

© В. В. Ильин

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

Человек наделяется свободой. Но и ответственностью. В архаичной деонтологии отношение двух экзистенциальных столпов тематизировалось допущением Всевышнего, адресация к коему являлась сдерживающим фактором персонального воления. «Нет на земле проступка без отщущения», – в створе такой презумпции (при вмешательстве высшей инстанции) осуществлялось обуздание произвола. Современный деонтологический взгляд рвет с пещерным прошлым; согласование свободы и ответственности в наличной аксиологии производится утрированием добровольного решения: предобусловливающей свободу выбора автономной рефлексии, сцепляющей цели действия со средствами их достижения и результатами достигнутого. На данном основании добрые поступки вменяются людям в заслугу, дурные – им в вину.

Ключевые слова: *ценностный мир, практический силлогизм, свободный рациональный выбор.*

Теория человеческого действия (ТЧД) в обобщенной редакции предусматривает обозрение всех типов налаживания, программирования, складывания продуктивной персональной самореализации. Минюта нюансы, предметом ТЧД выступает человеческое оснащение целезадаваемых инициативных ареалов с акцентуацией:

1. аффективности – действие по чувству, импульсу, педали;
2. расчетливости – действие по калькуляции «чистого» разума;
3. гуманитарности – действие по отнесению к ценностной концентрации человечности – Wertswelt.

(1–3) подмножества, исчерпывающие множество вариаций, где *causa efficiens* оказывается человечность, противопоставляются подмножествам множества, где *causa efficiens* является природность. С самых далеких специфицирующих рубежей правильно различать феномены, порожденные *causa efficiens humanitatis* и *causa efficiens naturalis*.

В последнем случае вершение событий, говоря строго, непосредственных движущих (устремляющих) причин не имеет. Побудительный процесс здесь концептуализируется общим понятием «адаптация», расценивающим целевой фактор *a tergo* по качеству фиксируемого эффекта. И при благоприятных (позитивное) и неблагоприятных (негативное) исходах апеллируют к неизменной «творческой роли» отбора, лишь задним числом удостоверяющего преимущественность (непреимущество) неких форм, благоволящего тем или иным видам морфогенеза.

В природном – объективном – универсуме сущего (вне примитивной телеологической доктринации) никаких заведомых целеопределений, интенций (при соблюдении канонов научной рациональности) предположено быть не может. (Сказанное не исключает вненаучных креационистских версификаций, эпистемологического кредита не имеющих.)

Вопреки сценографии *causa efficiens naturalis* сценография *causa efficiens humanitatis* комбинирована идеей прямого обусловливания по предвосхищению, проекту, экстраполяции, – не задним, а антиципирующим числом. Радикализуется интенция, организующая поведение, сообщающая волевой импульс, осуществляющая преднастройку активности.

Исключительно в створе подобных презумпций разворачивается ТЧД, утрирующая момент целеоснащенности устроительной кинетики сапиента, – существа сознательного, сознющего, разумного, способного на автономное целеполагание, индуцирующее суверенное миротворчество. Нерв ТЧД – тезис: деятельность человека исключает случайный перебор предметных возможностей (деятельность путем проб и ошибок); она складывается введением базовых интенций, оправдываемых вожденностью заполнения конечного (чаемого) предметного результата.

Вариация (1) минимально отвечает сказанному. Человек здесь, будучи поглощен чувственным (страстью), не покидает (или впадает) некоего анцестрального – природного – состояния, заявляет себя в неразумной форме. Последнее, характеризуясь атрофией именно экстраполяционного потенциала самоутверждения, влечет невозможность выстраивать активность ориентацией на сосредоточенные в цели образы конечных событий; аффективное поведение детерминировано не предстоящим, но случившимся; оно не устремительно, но разрядно (компенсационно).

Ментальная логистика вариации (2), выгодно отличаясь от (1) обеспечением деятельности от колоссальных издержек непреднамеренного достижения результата, добивается расчисления условий (средств) получения конечного продукта без рефлексивной оценки и качества целей, и качества результатов.

Ситуация описывается языком слепого принятия несобственного выбора исходного (цель, намерение) и завершающего (результат, эффект) с квалифицированной отработкой локомоции от одного к другому.

В схематическом представлении ТЧД дело выглядит так.

Первая точка – цель: выбор демона (Вебер), дьявола; вторая точка – средство (технология): голый рафинированный расчет; третья точка – результат: порождение дьявольско-демонического в человеческой натуре.

Не будем придирчивыми к изъяснительным фигурам. Применение сильных эпитетов – от неприятия «чистоты» инструментально заявляющего себя разума, который, отстраняясь от осмысления гуманитарной определенности целей, технологически обслуживает любые (!) в т.ч. одиозные предприятия исходя из соображений формальной рациональности, – рационально (человекообразно) сознательно планируемое и получаемое.

Запрос: как поднять уровень потребления в стране в 2 раза (цель), – может получить инструментальное разрешение: следует уполовинить население (средство). Технологическое сочленение первой и второй точки может быть изоощренно расчисленным, – но приемлемым ли?

Ввиду сказанного разработку сценария расчетного расчетливого действия следует обременять анализом рациональности содержания (смысло-значимого момента) деятельности с формированием стереоскопии целесообразного, где последнее получает легитимацию не по одной (рациональность средства как способа эффективной реализации цели), а по трем точкам (рациональность цели – средства – результата как способа полезной эффективной реализации поставленной цели с достижением плодотворного результата). (Вебер акцентирует именно такую трактовку.)

Но и стереоскопии целесообразного для выработки полноценного понятия рациональности деятельности также недостаточно. Как бы там ни было, во-первых, расчет конституирует целесообразность формально с акцентом эффективности; во-вторых, рассчитываемая технология эффективности *velis polis* оправдывается локально.

Эффективность вкупе с локальностью не вводит универсального алгоритма рациональности человеческой деятельности, как таковой.

Откуда следует: вариация (2) чисто эвристически не способна претендовать на роль адекватного ядра ТЧД.

В поиске новых возможностей возвратимся к тому интересному обстоятельству, что целесообразное в природе в отсутствие формально-рационального *telos*'а организации порождающего процесса устанавливается содержательно – *post factum* фиксацией совершенности, преимущественности (адаптивности) форм, выдержавших испытание отбором.

Ввиду затратности, неопределенности технологические и идейные концентраты человечности – цивилизация и культура – не в состоянии использовать механизм фабрики природы. И тем не менее. Выход – в применении природной схемы селекции инициатив с утробованием не ретрополяции, а экстраполяции. Необходимое пояснение сказанному ограничивается следующим.

Целесообразность «до», а не «после» учреждается подчинением деятельности (порождающего процесса) неким превентивным интенциям достижения потребного. Они не могут вводиться

- формально, т.к. качественно иницируют деятельность, воплощаются в ней;
- локально, т.к. всеобъемлюще (не ситуативно) нормируют деятельность, вводят категорические, а не гипотетические императивы.

Роль содержательно-тотальных интенций деятельности способны играть лишь наполнения ценностного мира (*Wertswelt*), осуществляющие универсальную регуляцию и регуляризацию человечности.

Показатель совершенности, добродетельности, благообразности поступка – причастность небесному – божественно-блаженному.

Для людей, живущих земным, говорит Аристотель, такого рода причастность не достижима, но уподобляема: жизнь человеческая настолько блаженна, насколько присутствует в ней некое подобие божественной жизни [1, с. 285]. Следовательно, в человеке столько совершенного, сколько божеского. И это «сколько» зависит от способности человека продуцировать высоко гуманитарное, ценностно оправданное бытие.

Действование по отнесению к ценностному экстракту человечности – самоценной гуманитарности (вариация 3) – не что иное, как состояние деонтическое, сугубо экзальтированное, полученное интериоризацией высоких идеалов достоинства, благочестия, благонравия и т.п. Человек осознанно и свободно вписывает существование в благообразные устои добродетельно-совершенного; доподлинно: он не живет, а проигрывает какую-то мало подходящую для него харизматическую роль. Как сетовали древние: *vae, puto dues fio*.

Это потому, что реальная жизнь и ее проживание на харизму не рассчитана. Сермяжная и циничная правда естественного жизненного самотека заключается в отрезвляющем: порядочность поведения (поступка) «всегда почти стоит против выгоды его» (М. Горький). Коллизия положительной жизненности – рассогласованность (несогласуемость) моральности и утилитарности, священности и полезности.

Организация поведения по должному, а не сущему, – экзотика, выявляемая в «чистых» героических эпизодах «великой миссии». Не случайно типаж ценностно ориентированного действия в доктрине именуют утопическим (не корреспондирующим действительности [6]).

С позиций выстраивания работоспособной деонтологии, однако, жизнь по ценностной ориентации неправильно расценивать сквозь призму логической схематизации, – выраженная в ТИТ (теория идеальных типов) веберовская идея «предельности» должна быть отвергнута – заменена идеей интенциональности.

Действительно, добиваясь статуса, самоутверждаясь, человек способен действовать не по корысти («голый» расчет), а по высокой самооценке, ставящей во главу угла не извлечение преимуществ, а поддержание собственного достоинства, вытекающего из сознания причастности высшей сфере мироздания. «Факт разума» здесь замещается «фактом Человека» с большой буквы.

(На фоне сказанного обесмысливаются и обесцениваются теории среднего уровня, вводящие прямолинейную зависимость поведения от поощрения – наказания; мотивацию человеческого поступка примитивной социальной рефлексологией концептуализировать недопустимо и невозможно [5].)

Как теория содержательной устремительности человечности продуктивная ТЧД складывается из

- концепции свободного выбора;
- концепции свободного решения.

Выбор – несвязанное внешними обременениями независимое предпочтение возможностей, исходя из постепенного самоопределения, – свободы. «Самая высокая свобода, – подчеркивают Рерихи, – может быть осознана в мире надземном, где законы понимаются как прекрасная непреложность» [4, с. 213]. В мире земном свобода в контексте обсуждаемой темы осознается как автономное законотворчество (делать или не делать и как именно – полагается не зависимостью, не обстоятельствами (принуждение), а собственной волей), крепящееся на диспозиции «лучше и ради лучшего» (Аристотель).

Выбор на подобной диспозиции, соединенный с обдумыванием, влечет решение. Решение – окончательный ответ об искомой системе действий, инициированных целью и принятыми орудиями ее достижения. Координация выбора и решения гуманитарно ориентированного действия осуществляется «фактом Человека» – конституирующим интенцию на добродетельное и рассудительное.

Устремление на первое выносит вердикт о качестве целей, удостоверяет их «правильность»; устремление на второе выносит вердикт о качестве средств, удостоверяет их приемлемость.

Свободный перебор альтернатив, таким образом, исходно задан отнесением к ценностям, узаконивающим в человеке не просто рациональность, а гуманитарно проявленную рациональность, сообразующим поступки не просто с целесообразностью, а с идеально заявленной целесообразностью (благонамеренностью).

В идеале выбор, решение как фундаментально опосредованные гуманитарностью акты развертывают отмеченное печатью божественности пространство благо-разумности. Поведенчески оперативная (эмпирическая) увязка «софросины» (благо – разумия) с тем, что в античности именовали «даймонион» (божественность разумного) производится практическим силлогизмом, добивающимся органики в архитектуре «цель – средство – результат».

(а) первая посылка: фиксация цели.

(в) вторая посылка: фиксация средств, условий целевоплощения.

(с) заключение: обязывание в налаживании ценностно ориентированного действия.

(а) человек призван делать добро.

(в) воспитание ребенка – добро.

(с) я должен воспитывать ребенка.

(а) вводит программирующий telos не по расчету, а интенции – посредством отнесения к WertsWelt: диспозиции к «факту человека».

(в) вытекающее из (а) некое занятие удостоверяет в выполняющем его причастность «факту человека».

(с) побуждение предпринимать обеспечивающее причастность к «факту человека» действие.

Практический силлогизм – типичный механизм деонтологической финализации деятельности на базе уподобления человеческого божескому – в створе неситуативно и неформально вводимой гуманитарности.

Подытожение высказанного позволяет в самом резком стиле высказаться о несостоятельности ценностного нигилизма, гуманитарного эмотивизма. Свобода от интенций на WertsWelt в концептуализации природы человека, – опасная химера; отнесение к ценностям располагается в генеральной сфере установления самого факта человечности.

Существование предшествует сущности человека (вне допущения амитологического преформизма); идея предшествует существованию вещи. Человек определяет собственную гуманитарную сущность через свободное решение, выбор. Он же определяет собственную креативную сущность через направляющую идею, будирующий идеал. Как настаивал П. Л. Лавров, – важна торжествующая идея, торжество идеала [3, с. 126, 145].

Механизм производства предметов, созидания искусственной среды бытия человеческого, – двуединый механизм обмирщения проектов, опирающийся на форму знания (истина) и форму идеального миропредставления (ценность).

Форма знания привносит в проектирование жизни по целям элемент реализма. Цель в отрешенном виде совпадает с любым декларируемым чаемым; в подобном обличье она – компонент отчужденной от окружающего заоблачной апологии, представляющей чистое упование (хилиазм). Сочленение с апологией технологии, равносильное подведению под цель средства, актуализирует получение планируемого результата. (В отсутствие органа объективации проекта – рассогласованности апологии с технологией – активируется ниша вымышленного пылко мечтательного состояния со всесторонней апелляцией к волшебным, фантастическим силам. Таковы рапространенные народно-поэтические, фольклорно-мифологические сказы о невероятном: Эдеме, Граале, опоньском царстве, скатерти-самобранке, троих из сумы, брате Науме, огниве и т.д. Гносеологическая особенность сказки – трансцендентное внетехнологическое вмешательство в экзистенциальную ситуацию, снимающее коллизацию не по внятному вещественному созиданию, но – чудодейству, магическому колдовству.)

Форма знания проводит

– концепционный расчет целей по правилу исключения (обмирщение, объективация, субстантивация, реификация и т.п.) работоспособных абстракций («коммунизм» как чаемое социальное состояние, где «богатства польются полным потоком», воплощается принцип «от

каждого по способности, каждому по потребностям» и как базовая когниция социально-политической доктрины, – не исключаем (по количественному, экологическому, энергетическому, сырьевому и т.д. обсчету), следовательно, фиктивен. Аналогично не исключаются из теории фикции – эфир, теплород, флогистон и др.);

– технологический обсчет по способу вещественного внедрения цели в реальность. Продуктивная инкорпорация «задания» производится уточнением предметно созидательных процессов, реализующих исполнение целей с достижением запланированных итогов.

Эффективность формы знания обусловлена причастием *status rerum* (SR), покоится на достоверном.

Форма идеальной образности вводит

– преобразовательную мечту, описываемую в терминах «наваждение», «увлечение», «соблазнение»: модус *homo* с экзальтированным *hosanna in excelsis* (самодостаточное устремление на мечту – раскрепощенное духовное производство, – конструирование символических «текстов»: то же музыкальное, поэтическое творчество по канонам разворачивания фоники с достижением эвфонии – гармоническому сочетанию звуков, созвучий; аллитерации, ассонансу как приемам инструментовки и т.п.);

– мечту, нацеленную на совершенное, высокое. Мечта преобразовательная и совершенная инициирует существование посредством отношения к чему-то иному, что само по себе не существует, но необходимо полагает.

Эффективность формы идеальной образности обусловлена причастием *sacrum*, покоится на ценностном.

Вымысел (мечта), желающий нравиться, должен правде и совершенному быть близок, – ориентация на одно (истина) и другое (ценность) сообщает «божественное» рукотворному.

Как видно, конструирование сущего идет не по ИР (инструментальному разуму), а гуманитарно выверенному разуму, разворачивающему

1. макет потенциального будущего (цель – посессив);

2. калькулируемый макет технологически достижимого будущего (средство – кондиционалис);

3. воплощение макета (объективация) по блоку знания и ценности (результат – реалис; технология в обертке деонтологии).

Перед нами – представленный в обобщенном и упрощенном виде особый тип ценностно ориентированного причинения по антиципации с неявным использованием практического силлогизма, согласующего фигуры деятельности с фигурами мира по целеопределенному.

Познавательный расчет (целесообразное) вкуче с ценностным расчетом (благообразное) предобуславливает единство интенции и решения, а с ним – умственного и гуманитарного.

«Выпуск» природных предметов (универсум неорганики – органики) идет по отбору; «выпуск» антропных предметов (универсум надорганики) идет по предвосхищению; вещественную адекватность «выпуска» обеспечивает концептология (подключающая к SR); ценностную адекватность «выпуска» обеспечивает деонтология (подключающая к *Sacrum* – комплексам *Wertswelt*).

В двух случаях имеет место влияние разного интереса: целесообразность природного удостоверяется законами объективной реальности а *posteriori* в движении от действительного к возможному; целесообразность антропного удостоверяется законами символической реальности а *realibus ad realiora* в движении от возможного к действительному.

Кант говорил о двух загадочных вещах, наполняющих душу «все новым удивлением и нарастающим благоговением», и это суть: «звездное небо надо мной и нравственный закон во мне». В наши дни мы обнаруживаем две иные загадочные вещи, наполняющие душу теми же сакраментальными чувствами, и это суть: единообразие целесообразного (невзирая на сказанное) как следствие идентичной организации живого (bios) и сверхживого (sosis). Разумеется, изоморфия языковых кодов («текстообразование» суперсистем) наследственности (базис жизненности) и общительности (базис человечности); оба выстроены по унитарному систематическому канону.

Факт единства мира со стороны композиционного (архитектонического) принципа (семиотического или функционального?) навлекает необходимость рефлексии проблемы какого-то пред-данного (не решаемся употреблять «априорного»), синхронизирующего порядок действия целесообразного отбора и отбора целесообразного в последовательном ходе миротворчества.

Что вписывает морфогенез (его принципы, продукты) в твердые рамки вечности? Вопрос открыт. Скучные версификационные мощности покрываются интервалом: теонотомия – телеонотомия.

Первая комбинирует самостирающимся понятием «господство внешней – трансцендентной – цели (бог) во всем», поставляющим истину (о целесообразном) в недискурсивной керигматической форме, – выходящей за пределы и границы науки форме откровения.

Вторая отправляется от вдохновляющего, открывающего далекие горизонты понятия «господство внутренней – имманентной – цели (природа) во всем», поставляющего истину (о целесообразном) в научно приемлемой дискурсивной форме.

Punctum puncti научной проработки темы, – концептуализация целесообразного как идеально совершенного устройства мира, опирающегося на устремление к лучшему. Модели антропности давно и плодотворно эксплуатируют представление «моральной необходимости самоопределения», изначально векторизирующего ток гуманитарной самоорганизации.

Камень преткновения составляет трудность внедрения данного представления в модели природности, влекущая непреодолимую видимость в лице телеологизации, антропоморфизации, анимизации, – т.е. мистификации мысли. Дело осложняется содержательным хиатусом отображения сути в универсумах:

– неорганика: композиционный тип выстраивания вещных структур по предпочтительным механическим (вариационные принципы), синергетическим (КАМ-теорема) и другим зависимостям;

– органика: архитектура живого, обуславливаемая киральной чистотой (строгое различие D – L-симметрии); последовательностью нуклеотидов ДНК; ролью катализаторов в обеспечении метаболизма; репликацией; функциональной специализацией; адаптацией; гомеостазисом; обратной связью;

– надорганика: организация антропосоциальности на началах экстраполяции, – отбор не по ретрополяции, а антиципации – проектам потребного.

Полное и окончательное достижение ясности, как кажется, связывается с разработкой генеральной мегадоктрины, решающей задачу: раскрыть законы созидания реальности по неким суперобщим правилам и вследствие того сформировать понимание однородности многообразного, диахронически и синхронически связав ситуацию в неорганике – органике – надорганике [2, с. 213].

Nec plus nec minus мы высказываемся в пользу рационально оправданной символической креатологии, исследующей, как по символическому (идеальному – совершенному, благому) сотворяется мир и как по символическому же (идеальному) он преодолевается. Таким образом истолкованная символическая креатология эвристически равнозначна универсальному конструктивизму, раскрывающему способ целесообразного получения сущего в перекрытии существующего сообразно символам (идеалам).

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №190465).

Литература

1. Аристотель. *Соч. в 4 т.* М.: Мысль, **1983**. Т. 4. 830 с.
2. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia humaniora. Гуманитаристика.* М.: Проспект, **2019**. 256 с.
3. Лавров П. Л. *Избранные произведения в 2 т.* М.: Мысль, **1965**. Т. 2. 703 с.
4. Рерих Е. И., Рерих Н. К. *Живая этика.* М.: Республика, **1992**. 414 с.
5. Homans G. C. *Social behavior: Its elementary forms.* N. Y.: Harcourt, **1961**. 404 p.
6. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre.* Tübingen: mohr, **1951**. 688 s.

Поступила в редакцию 04.07.2019 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2019.4.1

On the theory of human action

© V. V. Ilyin

National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.

Email: vvilin@yandex.ru

A person is endowed with freedom but also it comes with responsibility. In archaic deontology, the relation of the two existential pillars was embodied in the approval of the Almighty, which is a factor deterring personal will. "There is no offense on earth without vengeance" – this presumption (when the highest power intervenes) curbs arbitrariness. Modern deontological view breaks with the caveman past; reconciliation of freedom and responsibility in the present-day axiology is the exaggeration of the voluntary decision: predetermining freedom of choice of autonomous reflection, marrying the goals of the action with the means of achieving them and the achieved results. On this basis, good deeds are considered as one's merit and bad deeds as one's guilt.

Keywords: value world, practical syllogism, free rational choice.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No.190465).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. On the theory of human action // *Liberal Arts in Russia*. 2019. Vol. 8. No. 4. Pp. 237–245.

References

1. Aristotle. *Soch. v 4 t. [Works in 4 volumes]*. Moscow: Mysl', 1983. Vol. 4.
2. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia humaniora. Gumanitaristika [Philosophy of liberal arts. Studia humaniora. Liberal studies]*. Moscow: Prospekt, 2019.
3. Lavrov P. L. *Izbrannye proizvedeniya v 2 t. [Selected works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', 1965. Vol. 2.
4. Roerich H. I., Rerich N. K. *Zhivaya etika [Living ethics]*. Moscow: Respublika, 1992.
5. Homans G. C. *Social behavior: Its elementary forms*. N. Y.: Harcourt, 1961.
6. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: mohr, 1951.

Received 04.07.2019.